ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 316.34/.35
ББК 60.54

Н.А. Барышная

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В РЕГИОНЕ: ВЫЗОВЫ И ОЖИДАНИЯ

N.A. Baryshnaya
Ethno-Cultural Diversity in a Region: Challenges and Expectations

The modern ethno-cultural situation at the regional level in Russia is analyzed. The use of the deprivation approach to analyzing the effectiveness of implementation of the regional national and cultural policy is grounded. Particular attention is paid to the integration of ethnic migrant communities in social, economic and political environment of small towns.

Key words and word-combinations: social structure, migration, national and cultural policy, social borders, new ethnic groups, deprivation.

Анализируется современная этнокультурная ситуация на уровне регионов России. Обосновывается использование депривационного подхода для анализа эффективности реализации региональной национально-культурной политики. Особое внимание уделяется проблеме интеграции этнических миграционных сообществ в социальную, экономическую и политическую среду малых городов.

Ключевые слова и словосочетания: социальная структура, миграция, национально-культурная политика, социальные границы, новые этнические группы, депривация.

Современная национально-культурная политика, реализуемая на большей территории регионов России, и Саратовской области в частности, характеризуется усилением тенденций к культурному и социальному размежеванию, формированию новых границ, и социальных, и этнических [1, с. 5—10].

Рост культурного разнообразия (за счет увеличения миграционных процессов в первую очередь) стал одним из факторов, дестабилизирующих современное российское общество, и Саратовская область не исключение. Опираясь на результаты проведенного исследования (проведено в рамках гранта РГНФ № 12-33-01026 «Депривационный анализ факторов этносоциальной напряженности», руководитель проекта — К.С. Мокин), можно констатировать, что большинство населения оказалось не в состоянии проявить терпимость, согласие, принять в свое сообщество новых членов — носителей иных культурных ценностей, тех, кто заведомо нахо-

дится на более низкой социальной ступени, предоставить им не только социальные гарантии, но и право на этнокультурное самовыражение, реализацию их собственной этнокультурной идентичности. Исследования проводились в 13 районах Саратовской области в период с 1 декабря 2012 г. по 25 декабря 2012 г. Выборка квотная, пропорциональная, репрезентативна по территории проживания, полу, возрасту и образованию. Всего опрошено 3800 человек. Погрешность полученных данных не превышает 3%. Опрос проводился по месту жительства респондентов методом формализированного интервью.

Характерным элементом современной этнокультурной ситуации в регионах России стало то, что государство (в лице разного рода администраций и органов власти) объектом «национально-культурной» политики выбрало не население (во всем его многообразии), а административно-юридических агентов — зарегистрированные общины диаспор (национально-культурные центры). Последствия подобной политики — «избирательное действие», когда в фокусе внимания государства оказывается не все население, а отдельные его сообщества или, точнее, отдельные этнические предприниматели [2, с. 125], использующие свою этнокультурную идентичность как ресурс извлечения материальных и политических выгод.

За пределами внимания власти осталось и местное (принимающее) население, и общины, которые, если и имеют некий юридический статус, не входят во фронду «приближенных». Например, несмотря на наличие юридически зарегистрированных национально-культурных сообществ азербайджанцев, армян, турок-месхетинцев, чеченцев в городах региона, они максимально дистанцируются от участия в общественных, политических и социально-экономических мероприятиях. Исключение составляет их деятельность на региональном уровне — политическом, обязывающем позиционировать присутствие общины в региональном контексте (участие в разного рода национальных советах, согласительных комиссиях и т.д.).

Местное (принимающее) население, лишенное в силу объективных причин возможности оценить позитивные последствия роста культурного многообразия, не чувствует потребности в культурном диалоге с иммигрантами, испытывает дискомфорт от контактов с иными поведенческими установками и социальными стереотипами, которые «нарушают» представления о «цивилизованных» нормах общения. В этих условиях возникает скорее потребность в самозащите, сохранении своего «понятного» социального, экономического и политического статуса, а не желание принять и защитить «иных» [3, с. 45—147].

Подобную (встречную) реакцию демонстрируют и инокультурные мигранты, особенно прибывшие из небольших поселений, сел республик Средней Азии, пополняющие ряды диаспор и этнических меньшинств. Столкнувшись с новой для них культурой, достаточно высоким темпом и насыщенностью жизни, с ее разнообразием, обезличенностью в публичных местах, «раскованностью», часто циничным отношением к пожилым людям, женщинам и детям, они часто просто шокированы состоянием «цивилизации», в которую они планировали интегрироваться и с которой связывали будущее своих детей. У мигрантов «свои» взгляды и другие «нормы», и они видят свою цель в их продвижении ради улучшения общей ситуации. Каждая из сторон утверждает свою правоту и

использует массу культурных (и не только) аргументов, стереотипов, мифов, историй, работающих как на культурную интеграцию, так и против нее [4].

В настоящее время при анализе эффективности реализации региональной национально-культурной политики доминирующим должен стать депривационный подход, в рамках которого детерминантами этносоциальной напряженности (как ключевого последствия, роста культурного многообразия с точки зрения доминирующего дискурса) рассматриваются объективированные и необъективированные притязания принимающего населения и мигрантов, то есть мотивированное желание людей обладать, пользоваться (располагать) материальными благами, разнообразными услугами и социальными позициями. Нереализованность таких личных желаний обусловливает формирование претензионной депривации и определяет характер этносоциальной напряженности [5, 6].

Это позволяет определить особую плоскость изучения межгруппового взаимодействия, в основе которой лежит система ожиданий, причем как позитивных, так и негативных. В системе социальных отношений данный подход согласуется с теорией У. Томаса: «Если ситуация определяется человеком как реальная, то она реальна по своим последствиям». Иными словами, исходя из перспективы построенных ожиданий, человек фактически определяет свое поведение, стратегии достижения поставленных целей.

Совмещение оценок ожиданий иммигрантов и принимающего населения дает возможность оценить потенциальные «болевые точки», являющиеся коллекторами этносоциальной напряженности. При этом один из ключевых показателей — «дрейф идентичностей», фиксируемый как смещение ценностно-мотивационных и ценностно-достижительных установок. Понимание идентичности / [само] идентификации в качестве не статичного объекта, а процесса, подверженного влиянию извне, позволяет в этих условиях очертить спектр вероятных стратегий взаимодействия. «Размывание» границ этнокультурной идентичности индивидов и [ре] конфигурирование социальных границ внутри локального сообщества в современных условиях неизбежно [6]. Очень важно выработать «формулу интеграции», при реализации которой не только адаптировались и интегрировались бы инокультурные иммигранты, но и местные жители были бы готовы к необратимому процессу роста культурного многообразия, понимая и осознавая все плюсы и минусы такого процесса. Необходимо привнесение в систему регионального управления национально-культурной политикой понимания, что интеграция — «двустороннее шоссе», — без активного участия населения ни один регион не станет иммиграционно привлекательным, что вкупе с серьезными демографическими рисками привносит риски и репутационные.

Одним из ключевых моментов культурной и социальной адаптации является языковая проблема. Немногие современные мигранты владеют русским языком в достаточной степени даже для решения самых первичных проблем, самостоятельного оформления въездных документов, оформления проживания. Особенно это касается молодежи и детей, у которых нет опыта общения на русском языке.

В отношении мигрантов, плохо знающих русский язык, но ориентированных на постоянное проживание, ситуация усугубляется тем, что для получения

гражданства необходимо пройти обучение на курсах и сдать экзамен. Обучение на курсах и сдача экзамена осуществляются в областном центре (г. Саратов) на базе университета (филологическое отделение), что, естественно, для многих невозможно по причине удаленности и дороговизны. Сложность заключается и в том, что длительность курсов русского языка составляет почти два месяца, а срок нахождения на территории России по миграционной регистрации — три месяца. Таким образом, у мигранта после обучения и успешной сдачи экзамена остается месяц на оформление вида на жительство, получение разрешения на трудовую деятельность (патент), что занимает боле полутора месяцев (по факту). Сложившаяся ситуация, естественно, решается мигрантами «иными способами», что, с одной стороны, реализует краткосрочные задачи адаптации, а с другой — это серьезно осложняет дальнейшую интеграцию, т.к. мигрант фактически так и не учил язык.

Современный город непрерывно производит новые различия и редуцирует уже имеющиеся. При этом он, как социально-культурная и социально-экономическая система активно реагирует на рост разнообразия (и, по сути, энтропии в городском сообществе), декларируя уважение к «иным» культурам, но всячески дискриминируя ее носителей. В данных условиях происходит формирование и развитие городской соционормативной культуры, понимаемой как формальные и неформальные образцы и паттерны поведения, которые со временем (одни образцы появляются, другие уходят) становятся общепринятыми и указывают жителям, что следует делать, а что нет. Соционормативная городская культура выполняет роль регулятора и реализует функцию контроля в сообществе. Если люди («иные») не следуют общепринятым поведенческим предписаниям, то возникает ощущение, что они бесконтрольны, а значит потенциально опасны. Именно ощущение (потенциальной) опасности и вызывает негатив, раздражение, неприятие, ненависть.

Важно также то, что современную основу городской идентичности у большинства жителей составляет чувство привилегированности по отношению к мигрантам и мигрантским сообществам. Город (в региональном масштабе) — важный, но очень дефицитный ресурс, своего рода исключительное место, где можно «нормально» жить. Это относится не только к инокультурным мигрантам, но и к жителям небольших поселений, сел, деревень, прилегающих к городу районов. Опираясь на собственные наблюдения, отметим, что людей, проживающих в городе, объединяет не чувство гражданской ответственности за свой город, а ощущение своего превосходства над всеми «другими» и требование от «других» («иных») существенных усилий для того, чтобы заслужить право стать «своим» (местным). Это тревожный индикатор, поскольку показывает, что городская идентичность работает не как инкорпорирующая, позволяющая людям объединяться и интегрироваться в сообщество, а скорее как исключающая, противопоставляющая сообщество горожан («своих») всем остальным.

Однако роль националистически настроенных политиков регионального и городского масштаба, элиты, групп неофашистов для понимания современной этнокультурной политики городов невелика. Сложившаяся форма «мягкого ра-

сизма», скорее, основана на более прозаических, институционализированных бюрократических практиках, которые производят и воспроизводят этнические различия в «ткани» повседневной жизни в качестве чего-то нормального, естественного и необходимого.

Рассуждая об интеграции этнических миграционных сообществ в социальную, экономическую и политическую среду малых городов, необходимо четко понимать, что сами миграционные сообщества, как и городское «большинство», чрезвычайно гетерогенно. Речь должна идти о взаимной интеграции множества гетерогенных сообществ, с осознанием того, что в итоге нового гомогенного сообщества не получится. Или иначе, парафразируя «единство в многообразии» (очень удачная формула для страны в целом) во «множественную множественность» (или «многомерную множественность») для городов. В связи с этим политика культурного многообразия городов должна строиться на поиске общих принципов, таких, как язык (пусть не всегда русский), интересы территориального сообщества, цели. Для того чтобы заработали культурные механизмы, критически необходима эффективная работа механизмов социальных.

Какая этнокультурная политика на сегодня необходима малым поселениям и городам Саратовской области? Обзор существующих альтернатив этих политик [7] позволяет предположить, что на наш взгляд наиболее эффективной будет являться политика диффузии. Данный концепт характеризуется двусторонним движением, когда меняются представители всех культур. Это приводит к определенной гибридизации и выработке легитимной соционормативной культуры. «Диффузное» движение здесь важно не как способ отказа от каких-то своих этнических корней, истории, культуры, а в смысле приоритета социального над этническим, сближения (со)общества на основе общих целей и интересов.

Библиографический список

1. *Тишков В.А.* От общественного восприятия – к общественному сознанию // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / под ред. В.В. Степанова, В.А. Тишкова. М., 2008.

2. *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности: учебник для вузов. М., 2011.

3. *Вендина О.И.* Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве // Иммигранты в Москве / под ред. Ж.А. Зайончковской. М., 2009.

4. *Тишков В.* Исторический феномен диаспоры // Исторические записки. 2000. № 3 (12).

5. Доклад о развитии человека. 2009 // Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие / пер. с англ. М., 2009.

6. Migratory Processes in Europe: Evolution of the migratory interaction of the EU and Central and Eastern European countries / Central European University. Odessa, 2010.

7. *Мокин К.С., Барышная Н.А.* Этнополитическое исследование: концепции, методология, практика. Саратов, 2009.

8. *Трубина Е.Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. М., 2011.